

Ночь была глубока, а роса тяжела. Линь Ляоляо на цыпочках опустила полог кровати и, уловив скудный лунный свет, пробивавшийся сквозь окно, внимательно всмотрелась в белый шелковый платок у себя в руках. Квадратный, без единого узора или вышивки, лишь в правом нижнем углу золотыми нитями было выведено слово «Сянь».

Значит, ее зовут Лу Сянь.

Этот платок Линь Ляоляо видела своими глазами: он выпал из-за пояса Лу Сянь, когда та проходила мимо, и, убегая, Линь Ляоляо прихватила его с собой.

Она встряхнула ткань, и в воздухе разлился тонкий аромат сандала — точно такой же, как от той женщины в переднем зале.

Линь Ляоляо надула щеки, и ее лицо окрасилось в неестественный румянец.

Лу Сянь, Лу Сянь...

А имя-то довольно приятное.

Возвращаясь к Лу Сянь: покинув монастырь Юйцун, она направилась напрямик в Сад Сяньюань.

Будучи законной старшей дочерью в поместье маркиза Сюаньпин, она с детства росла в роскоши, но чем старше становилась, тем меньше находила общего с отцом. Эту усадьбу ей пожаловал сам император в день церемонии совершеннолетия, поэтому большую часть времени она проводила здесь, редко наведываясь в отчий дом.

Едва карета остановилась, как Яоцзин, дежурившая у ворот, поспешно бросилась навстречу.

Лу Сянь промолчала.

— Кто там? Разве все не здесь?

Женщина, сидевшая на мягкой кушетке, закатала рукава, обнажив тонкие, белые, как снег, запястья.

Шэнь И выросла вместе с Лу Сянь, как же ей было не знать характер Мин Юй? Та действительно была девушкой лучше некуда.

Лу Сянь подняла стоявшую рядом чайную чашку, усмехнулась и снова поставила ее на место:

— От тебя, сестрица, ничего не скроешь. Уж не в печи ли Лао-цзюня ты свои глаза закаляла?

Шэнь И, словно предвидя это, тихо вздохнула и спокойно произнесла:

— Боюсь, ее свекровь будет биться с тобой насмерть.

— Монастырь Юйцун.

Ту, кого Лу Сянь назвала сестрицей, звали Шэнь И, и была она княжной Чанцзин династии Дажун. Столь высокого титула она удостоилась лишь благодаря связям матери: бабушка Шэнь И была кормилицей нынешней императрицы. Императрица, помня о той заботе, стала побратимом с матерью Шэнь И, а позже пожаловала госпоже Ляо титул госпожи первого

ранга. Шэнь И, появившись на свет, сама собой получила титул княжны.

— Как же так? Репутация сестрицы чиста, как лед и нефрит, разве можно оставлять на ней пятна? Лучше я сама разберусь. В конце концов, хуже уже не будет, отец все равно не станет вмешиваться в мои дела.

Лу Сянь на мгновение замерла, а затем спрыгнула с кареты.

— Хватит прикидываться дурочкой, ты прекрасно знаешь, о ком я спрашиваю.

— Что ты задумала? — Шэнь И уловила скрытый смысл в словах Лу Сянь. — Не делай глупостей, сын той старухи имеет ученую степень.

Они выросли вместе и были очень близки.

— Моя сестра хороша во всем: красива, покладиста, добра душой, чиста помыслами. Ты сама знаешь, она всегда улыбается, с кем бы ни говорила, и всегда мягка, даже если на улице к ней пристанет маленький нищий, она и бровью не поведет. Во всем хороша. Но вот судьба у нее незавидная — связалась с таким скоропостижным мужем...

— Сестрица.

Не дав Шэнь И закончить, Лу Сянь перебила ее, ошеломленно глядя на нее:

— Сестрица, если однажды со мной что-то случится, ты поступишь так же?

— Да когда же ты изменишь свой характер? Это чужие семейные дела.

— Куда ты собралась?

Лу Сянь взглянула на подсвечник на столике — свеча почти догорела, видимо, ее ждали долго. Она подошла ближе и чинно произнесла:

— Благовония Западного края.

— Какой-то оборванец-ученый, и это называется степень? Не смеши людей.

— Госпожа, прибыла княжна Чанцзин.

— Ты еще смеешься? Где она?

— Пойдем.

— Нельзя идти напролом. Если действительно будет нужно, подставь меня, только не зли старого маркиза еще сильнее.

Шэнь И наконец нахмурилась и с досадой сказала:

— Что ты такое говоришь! Видно, совсем ты одичала на воле. Не торчи вечно в Саду Сяньюань, найди время вернуться в поместье. Если будешь так долго не показываться, маркиз и госпожа огорчатся.

— Ого, что за благовония?

— Вскоре после того, как вы ушли с Мин Юй.

Лу Сянь продолжила:

— Знала бы я, ни за что не согласилась бы, даже если бы тот мужчина расшиб себе лоб в поклонах! Я не упрекала ее сына в том, что он не жилец, а она, наоборот, стала винить Мин Юй в том, что та приносит беды мужу. Ха! — Лу Сянь горько усмехнулась, в ее глазах мелькнула тьма. — Не думайте, что я не знаю, на что они зарились. Разве не на те поля и лавки? Они думали, что если доведут Мин Юй до смерти, то смогут всё прибрать к рукам?

— Куда ты ее дела?

В комнате горел свет. Лу Сянь толкнула приоткрытую дверь, и резкий, бодрящий аромат благовоний ударил в нос, заставив ее вздрогнуть.

— Когда ты пришла?

Шэнь И не ответила, выдержав ее взгляд:

— Как с тобой может что-то случиться? Ты сама перевернешь весь мир вверх дном.

Лу Сянь убрала складной веер в рукав и коснулась пальцем переносицы:

— Ты посмотри на это.

— Но она вышла замуж, а жена должна следовать за мужем. Неужели мне нужно объяснять тебе такие простые вещи?

— Тогда пусть приходят! — Лу Сянь закинула ногу на ногу, ее лицо выражало полное презрение. — Пусть Мин Юй и была моей служанкой, но она десять лет заботилась обо мне, как родная. В холод приносила одежду, в жару — прохладительные напитки, она делала всё. Скажу больше: если бы не она, я бы давно умерла от той лихорадки в десятый год Тяньбао. Поэтому... я не могу стоять в стороне, когда ее травят.

Лу Сянь залпом осушила чашку чая:

— Им лучше поторопиться. Если опоздают... у меня не хватит терпения.

— Сестрица, ее муж умер. Полгода назад.

— Ха-ха! — Лу Сянь пожала плечами. — Все-таки ты понимаешь меня лучше всех.

Но судьба была жестока. Шэнь И до сих пор помнила день свадьбы Мин Юй. Лу Сянь относилась к ней как к старшей сестре, дала богатое приданое, ценные бумаги на земли и лавки — всё, чтобы ту не обижали в новой семье. Поначалу они жили счастливо, но кто бы мог подумать, что счастье будет недолгим? Обычная простуда унесла жизнь того тщедушного книжника.

С тех пор свекровь днями и ночами изводила ее проклятиями, даже младший брат мужа и незамужняя золовка могли бить и поносить ее почем зря. Злобные, грязные слова было тошно слушать. Прекрасная девушка увяла, лишилась блеска и иссохла, превратившись в одни кости.

— Спать!

— Учитель Лу вернулся из отшельничества, чтобы преподавать в Гоцзыцзяне. Сходи, послушай.

Шэнь И смотрела вслед Лу Сянь и невольно покачала головой: сплошной бунтарский дух. В кого она такая уродилась?

Вернувшись в свои покои, Лу Сянь обнаружила, что Цин Ши и Цин Юй уже подготовили горячую воду в купальне. Лу Сянь была помешана на чистоте: куда бы она ни ходила, рано или поздно, но перед сном обязательно принимала ванну.

Цин Юй помогла ей развязать пояс и сложила вещи на узкий столик неподалеку.

— Ой...

— Госпожа, что случилось?

Лу Сянь перевела взгляд на столик:

— Я потеряла платок.

На следующее утро вернулась нянюшка Тао.

Ее глаза были налиты кровью, веки опухли.

Линь Ляоляохватило одного взгляда, чтобы понять: та выплакала все слезы. Посмотрев на Старую госпожу Линь, крутившую четки, она поняла, что и та не в духе.

Троица наскоро позавтракала постной едой и собралась в обратный путь.

Перед уходом Линь Ляоляо заметила монахиню, подметавшую двор у храма. Это была та самая женщина, что вчера лежала при смерти. Синяки на ее шее почернели, а густые волосы были скрыты под монашеским головным убором.

Профессиональный инстинкт подсказал Линь Ляоляо подойти и осмотреть раны, но, подумав, она решила не беспокоить ее.

Едва они вернулись в поместье и Старая госпожа Линь успела перевести дух, как из дома выскочила маленькая служанка с прической в виде бутона и с размаху врезалась в нее.

— Ой!

Служанка шлепнулась на землю, тут же вскочила и, то ли не заметив, то ли от великой спешки, снова бросилась бежать, но была перехвачена расторопной нянюшкой Тао.

— Невоспитанная! Сбила госпожу и даже не извинилась!

Служанка глупо подняла голову, открыла рот:

— Госпожа? — она, казалось, что-то вспомнила и замахала руками: — Госпожа! Госпожа, скорее позовите лекаря! Если жар не спадет, наложница говорит, она сгорит дотла!

Старая госпожа Линь видела ее впервые и не понимала, о чем та толкует:

— О какой девушке ты говоришь? Кто сгорит?

— Ну... наша госпожа! Госпожа!

Служанка суежилась, но так и не смогла внятно объяснить.

Зато Линь Ляоляо ее узнала:

— Бабушка, это служанка пятой сестры.

Старая госпожа Линь, не переводя дыхания, поспешила к маленькому дворику наложницы Чжао. Оглядевшись, она поразилась — как же здесь убого!

Дверь распахнулась, и в нос ударил резкий запах отваров.

— Сяо Си, ты привела лекаря? Кх-кх-кх...

Говорившей была наложница Чжао. Она обессиленно сидела у постели и, не дождавшись ответа, обернулась. Увидев вошедших, она вжалась в плечи:

— Ма... матушка...

— Что с Цзиньчжэнь?

Наложница Чжао всегда была болезненной и каждый день варила лекарства во дворе. Линь Цзиньчжэнь, желая проявить сыновнюю почтительность, сама взялась за отвар, но глиняный горшок треснул, и кипящее лекарство выплеснулось ей на руки.

— Когда это случилось?!

— Вчера.

— Вчера?! Почему же лекаря позвали только сегодня?!

— Мы мазали мазью, думали, ничего страшного... Кто же знал, что ночью поднимется жар... А ночью лекаря вызвать трудно...

— Ты тоже мать! Как можно быть такой беспечной?!

Старая госпожа Линь взглянула на лежавшую на кровати Линь Цзиньчжэнь. Та бредила в горячке, ее тело пылало, словно она вот-вот должна была задымиться. Руки были обмотаны бинтами, сквозь которые проступала черная, грязная мазь. Веки Старой госпожи задергались.

— Нянюшка Тао, живо! Скорее в аптеку Цзиминтан, призови лекаря Лу!

В Резиденции Юнься Ци Янь чуть не поперхнулась чаем:

— Старая госпожа вернулась?

— Да, сейчас она во дворе пятой барышни. Только что отправила нянюшку Тао за лекарем Лу в Цзиминтан. Она в таком гневе, кричит, что все слуги в доме вымерли, раз госпоже приходится самой лекарства подавать...

— Ох, теперь беды не миновать!

Матушка Цзян, видя выражение лица Ци Янь, недоумевала:

— Госпожа, какое нам до этого дело? Спрашивать нужно с Лю Хуэй.

— Что ты понимаешь! Лю Хуэй под домашним арестом, права на управление домом у нее отобрали, она носа не кажет, с кого она может спросить? А вот я пару дней назад купила партию новых слуг. Если Старая госпожа начнет разбираться, мне тоже не поздоровится!

— А? Это...

— Нет... Возьми людей и идем со мной, скорее!

Вести дошли до Резиденции Юнься, а как же не узнать о них в Павильоне Циньсэ? Лю Хуэй, сжимая в руках шелковый платок, ткнула Линь Цзиньшу в лоб:

— Говорила тебе, зачем ты ее пугала? Теперь Старая госпожа точно начнет копать!

— Дочь всего лишь крикнула ей на ухо, больше ничего не делала! Кто же знал, что она трусливее мыши и уронит горшок с отваром?

Линь Цзиньшу выглядела обиженной:

— Она уже обожглась, теперь, даже если матушка меня до смерти отругает, толку не будет.

— Дрянная девчонка, только слово скажешь, а ты уже обиделась. Толку не будет — ишь, какая умная, пословицами заговорила! Будто не тебе идти к Старой госпоже на взбучку! — Лю Хуэй была вне себя. — Только мой арест стал подходить к концу, а теперь неизвестно, на сколько еще запрут.

Мозги Линь Цзиньшу работали быстро. Ее глаза метнулись туда-сюда, и досада исчезла:

— Матушка, по-моему, Старая госпожа не может винить вас в этом деле.

— Не может винить? А кого же? В этом поместье все знают, что наложница Чжао — моя приставленная служанка.

— Ну и что, что приставленная? Наложница Чжао — слуга, а пятая сестра — нет. Чего ей не хватает, она могла бы сказать сама. Не сказала — это ее проблемы. К тому же, вы сейчас не управляете домом, так что, даже если бы хотели навести порядок, у вас нет сил.

Лю Хуэй на мгновение замерла, вдумываясь в слова дочери:

— Ты хочешь сказать...

— Я помню, как пару дней назад вторая тетушка через управляющего накупила целую толпу слуг и распределила их по всем дворам, даже про дровяной сарай не забыла.

Старая госпожа Линь обошла весь двор и обнаружила, что, кроме той глуповатой служанки, здесь никого нет. Она горько усмехнулась.

Ци Янь, ведя за собой семь-восемь слуг, как раз вошла во двор и попала под этот холодный смех. Уголки губ старухи дрожали, а между бровей залегла глубокая складка, от которой у присутствующих мороз пробежал по коже.

— Матушка, я слышала, Чжэнь-эр обожгла руку?

— Вчера обожгла, а ты, оказывается, не знала?

— Не знала, матушка... — Ци Янь, стиснув зубы, пыталась выкрутиться. — Должно быть... должно быть, слуги плохо прислуживали! Я сейчас же их накажу!

Сказав это, она приказала матушке Цзян схватить ту самую служанку.

— Зачем ты ее хватаешь? Если бы не она, я бы до сих пор не знала об этой беде!

— ...

— Ты говоришь, что распределила людей повсюду, а почему же здесь никого нет? Не поверю, что это не нарочно!

— Матушка, как я могла сделать это нарочно? Я правда не знала, что здесь не хватает людей. Вы же знаете, наложница Чжао — приставленная служанка невестки, этот двор всегда была на ее попечении. Я... я младшая невестка, как я могла вмешиваться?

— Теперь ты вспомнила, что ты младшая невестка? Когда я передавала тебе ключи, ты говорила совсем другое!

— Матушка, я...

Ци Янь лишилась дара речи, не в силах оправдаться.

— А где старшая невестка? — снова подала голос Старая госпожа Линь. — Чжэнь-эр записана на нее, она ее дочь, неужели она собирается и дальше делать вид, что ничего не знает? Разве так ведут себя матери?!

— Отвечаю Старой госпоже: мы уже послали за ней.

Когда пришла Лю Хуэй, Ци Янь стояла перед Старой госпожой, согнувшись в поклоне, и выслушивала выговор. Это напомнило Лю Хуэй, как она сама когда-то стояла в Зале Нинъань, а Ци Янь смотрела на нее с насмешкой. Как переменчива судьба! То, что она тогда вытерпела, сегодня, похоже, придется попробовать и Ци Янь.

Платок был зажат в кулаке. По дороге Лю Хуэй всё продумала: ничего не говорить — просто плакать.

— Что с Чжэнь-эр? Что с ней?!

Услышав этот крик, наложница Чжао, которая до смерти боялась Лю Хуэй, тут же бросилась навстречу, но Линь Ляоляо преградила ей путь.

— Не ходи.

— Нет... сестрица... сестрица пришла...

Линь Ляоляо не понимала, как наложница Чжао вообще могла называть ту сестрой. Взглянув на угасающую Линь Цзиньчжэнь, она почувствовала, как внутри закипает гнев. Неудивительно, что та такая трусливая, что боится голову поднять! С такой-то матерью — как тут поднять голову?!

— Я сказала: не ходи!

Голос Линь Ляоляо был негромким, но в глазах горел огонь. Раньше она бы уже вовсю ругалась!

— Возвращайся и присматривай за дочерью. А с тем, что снаружи, бабушка сама разберется.

Наложница Чжао, напуганная Линь Ляоляо, попятилась назад и вновь склонилась над кроватью, едва дыша.

Снаружи Ци Янь стояла рядом с Лю Хуэй, ее виски пульсировали. Ей хотелось, чтобы из ее глаз вылетели ножи и пронзили эту притворщицу! Так умеет играть — почему бы ей не пойти в актрисы?!

— Что ты воешь! Она еще не умерла, перед кем ты распинаешься?! — Старая госпожа Линь одной фразой заставила Лю Хуэй умолкнуть. — Руку обожгла вчера, а прибежала только сегодня. Легко же ты справляешься с материнскими обязанностями.

Слезы Лю Хуэй застыли на ресницах.

— Матушка, может, я все-таки взгляну на Чжэнь-эр? Девочка такая слабая...

— Не нужно. Ты все равно не лекарь, чего лезть? Только мешаешь! — Старая госпожа Линь посмотрела на Лю Хуэй. — Хочу спросить: это была твоя идея — оставить во дворе всего одну служанку?

Лю Хуэй вздрогнула:

— Как это могло быть моей идеей... Матушка, вы же знаете, я давно не занимаюсь этими делами.

— О-о-о... — Старая госпожа Линь кивнула и посмотрела на Ци Янь. — Слышала? Твоя невестка давно не занимается этими делами... Значит, это все-таки твоя ошибка, хозяйка дома.

Ци Янь сжала пальцы так, что, казалось, они сейчас хрустнут. Хотя ее вины здесь не было, признать ее пришлось:

— Да... да, это моя вина. Я... я впервые управляю домом, случаются упущения. Я сейчас же прикажу матушке Цзян все устроить, впредь... впредь такого не повторится.

— Если берешься управлять домом, делай это как следует, а не мямли. Еще раз — и пеняй на себя.

— Слушаюсь, матушка.

Пока Старая госпожа устраивала разнос, нянюшка Тао привела лекаря Лу. Стоило им приоткрыть дверь, как Лю Хуэй и Ци Янь вытянули шеи, пытаясь заглянуть внутрь.

Старая госпожа ничего не сказала и захлопнула дверь прямо перед их носами.

Ци Янь и Лю Хуэй обменялись взглядами, в которых сверкнули молнии, и, не сказав друг другу ни слова, разошлись в разные стороны.

— Ну что? — Старая госпожа с беспокойством посмотрела на внучку.

— Ожог серьезный. Нужно проколоть волдыри и выпустить гной, — сказал лекарь Лу, лучший врач в аптеке Цзиминтан.

Линь Ляоляо отбросила в сторону бинты с рук Линь Цзиньчжэнь — сплошные волдыри, смотреть страшно.

— Тогда скорее... не... не затягивайте. — Старую госпожу от этого зрелища повело, нянюшка Тао поспешно усадила ее на стул.

По идее, это должна была делать наложница Чжао, но та, держа руку дочери, несколько раз пыталась подступиться, но так и не решилась взять иглу. Она всегда была слабой, а сейчас только закрыла лицо руками и зарыдала.

Линь Ляоляо раньше казалось, что Линь Цзиньхэ — самая несчастная: мать умерла, а отец с мачехой отдадут ее в наложницы старому евнуху. Но сейчас она поняла... той повезло больше. У нее хотя бы был стержень, она не сломилась в самый критический момент. А если бы это была Линь Цзиньчжэнь, то первой, кто заставил бы ее склонить голову перед судьбой, была бы ее собственная мать!

— Я сделаю.

<http://bllate.org/book/18628/1793583>